

Темяшов Иван Иванович,
старший научный сотрудник

Как молоды мы были...

Темяшов Иван Иванович. Родился в 1950 г. в Рязанской области. В 1967 г. закончил с золотой медалью Кораблинскую среднюю школу №1. В марте 1973 г. после выпуска из Рязанского радиотехнического института призван на два года для прохождения службы в одну из подмосковных частей ПВО, в 1975 г. принял решение остаться в кадрах ВС. В 1978 г. стал «Мастером боевой квалификации». Завоевал право заступить на первое боевое дежурство в составе 1-го боевого расчета системы А–35. Дважды выполнял боевые стрельбы на полигоне. В 1982 г. после окончания ВИРТА ПВО им. Л.А. Говорова направлен для дальнейшего прохождения службы в 45-й ЦНИИ МО. Участник приема в Кремле в честь выпускников военных академий. Активно участвовал в испытаниях и доработках средств СПРН. Принимал участие в разработке программ и методик проведения испытаний, в испытаниях системы А-135 в качестве руководителя рабочих групп.

Хотелось бы поблагодарить коллег по 45-й институту за честь выполнять с ними задачи государственной важности, за неоценимую помощь в становлении как научного сотрудника, за высокие человеческие качества. И сегодня, по прошествии многих лет, мы поддерживаем добрые дружеские отношения.

Немного о службе в институте.

В начале 80-х гг. возникла реальная необходимость создания специального отдела, отвечающего за боевое применение системы предупреждения о ракетном нападении и ее средств. Отдел возглавил Александр Матвеевич Цейтленок. В состав отдела входило две лаборатории. Коллектив подобрался дружный и работоспособный. Уже достаточно трудно восстановить последовательность набора в созданный отдел сотрудников, поэтому перечислю всех, кто проходил службу в нашем славном отделе: Яременко А.И., Валпетерс В.В., Гарифулин З.Г., Попов В.П., Корнев В.А., Темяшов И.И., Пюретский А.И., Яковенко А.И., Макарова А.В., Молчанова Н.В., Пучкова А.В., Ковалева А.С., Третьяков Ю.Н., Юрасов М.Г., Субботин В.В., Юнин Б.В., Водопьянов С.Ю., Решетников В.И., Стионов В.М., Беседовский Н.Н., Жестев М.В., Рябов А.С., Зарипов Д.И., Здовбель А.Е., Казанцев А.В., Пицык Н.С.

Задачи, поставленные перед отделом, требовали почти постоянного пребывания наших сотрудников на объектах системы, так как в ходе выполнения задач боевого дежурства выявлялись недоработки в боевых программах, изменялись условия функционирования средств, особенно в части изменения целевой

Сотрудники отдела боевого применения СПРН

и помеховой обстановки, изменялись требования к режимам эксплуатации средств и др.

Мы были молоды, и нас это не сильно огорчало, а порой и радовало. Объекты системы располагались в живописных местах и были разбросаны от запада до востока, от севера до юга бывшего Советского Союза. А какие интересные люди из промышленности ездили с нами на проведение доработок боевых программ! – Соловьев В.А., Соловьев В.И., Орданович В.Е., Хвацкий О.К., Шабанов В.В., Саенко В.Д., Лазарев И.А., Невский В.С., Богданов Е.И. и многие другие.

На объектах нас встречали всегда радушные и заботливые командиры частей. Правда, справедливости ради необходимо отметить, что бывали случаи, когда нас хотели «арестовать и расстрелять», или «больше никогда не пускать» на объект. Такие ситуации возникали обычно тогда, когда что-то не ладилось с проведением доработок или в программу вкрадывалась незапланированная ошибка, приводящая к ночному беспокойству руководящего состава подразделения. Чем глубже был уровень беспокойства высшего командования, тем страшнее был гнев их подчиненных. К утру обычно выявленные ошибки устранялись и между нами устанавливались прежние, хорошие отношения. Обиды

ни на кого не было, поскольку все отвечали не только за свой участок работы, но и за общее дело.

Организация поездок на объекты системы для проведения доработок боевых программ была очень ответственным делом. Конечно, прежде всего в профессиональном плане. Однако при планировании работ учитывались особенности объектов и личные интересы представителей института и промышленности, которые обычно совпадали. Нетрудно себе представить, что доработки боевой программы Севастопольского узла никогда не планировались в январе и феврале и даже весной. Участь данного узла решалась обычно в разгар летнего сезона, в крайнем случае, в бархатный сезон. Заслужить право возглавить доработки на этом узле мог только самый опытный и грамотный специалист, как правило, «почему-то» им оказывался один из руководителей отдела.

Весну мы встречали на Балхаше, в разгар клева рыбы по последнему льду, или в Азербайджане, когда появлялась молодая зелень редиса, салата и др. Хотя это, конечно, и не основные факторы процесса планирования командировок.

Запомнился и ряд курьезных случаев. В одной из поездок с Третьяковым Ю.Н. на Иркутский объект наш самолет трое суток не мог приземлиться в Иркутске. По метеоусловиям нас сначала посадили в Братске, а затем еще дальше — в Улан-Удэ. На третьи сутки непрерывного барражирования над сибирским регионом и очередной отсрочки вылета из Улан-Удэ, мы решили привести себя в человеческий облик и вдохнуть небольшой глоток цивилизации, а именно — побриться и покушать в одном из ресторанов Улан-Удэ, тогда офицеры еще могли это себе позволить.

Побриться решили в парикмахерской аэропорта. Когда я из нее вышел, в глазах Юрия Николаевича я прочел страх за мою дальнейшую жизнь. Он подвел меня к зеркалу, и я увидел окровавленное лицо, которое ранее, очевидно, принадлежало мне. Уровень сервиса был очевиден. Тем не менее, Юра решил не бросать меня в беде и смело пошел под бритву «профессионалов». Результат не замедлил себя ждать. Порезанные, но свежевыбритые, мы умчались в Улан-Удэ отметить свое новое рождение.

Каково же было наше удивление, когда узнали, что наш самолет, который должен был, по информации администрации аэропорта, ждать вылета еще не менее пяти часов, час назад вылетел в славный город Иркутск. Правда, надо отдать должное той же администрации, нам немедленно нашли места на ближайший рейс. Оставалось решить только одну маленькую проблему.

Дело в том, что, уезжая в город, я свои вещи оставил у попутчицы по нашему перелету, которая с маленькими детьми летела в Мишелевку (большое село в районе расположения нашего радиолокационного узла, известное своим старинным Хайтинским фарфоровым заводом с изображением соболя на марке). А она с детьми уже улетела в Иркутск. Проведя глубокий анализ, мы вычислили места, где вероятнее всего могут находиться мои вещи. На наш взгляд, ими могли быть — камера хранения, милиция или военный комендант. Вещей там не оказалось. Оставалось только одно — женщина могла взять их с собой, зная, куда мы летим. Наши первоначальные аналитические рассуждения, к сожалению, подтвердились, когда в аэропорту города Иркутска мы встретили нашу попутчицу. Вещей у нее не было, она их сдала в камеру хранения в Улан-Удэ с биркой «вещи Ивана Ивановича». Как мы их выручали, заслуживает отдельного рассказа. В результате вещи нам привезли, но на последний автобус до объекта мы, естественно, опоздали. Однако благодаря хорошему взаимодействию с командованием части

и представителями промышленности сроки начала доработок сорваны не были и они были успешно завершены в установленные сроки.

Таких эпизодов можно вспомнить достаточно много, но я хотел бы остановиться еще только на одном.

Эпизод также связан с Иркутским узлом. Очередные доработки были закончены, и у нас оставались сутки до вылета в Москву. Находиться рядом с Байкалом и не посетить его было бы непростительно. Быстро было принято решение, и вот уже «Ракета» несет нас до Листвянки. Далее небольшой кораблик доставил нас к туристической базе «Песчанка». Устроились достаточно комфортно, быстро организовали пикник в ближайших окрестностях базы.

Вечер удался на славу. В кромешной темноте, держась за руки, по узкой таежной тропке вдоль скалистого обрыва над озером мы добрались до базы. Адреналина получили на несколько лет вперед. Но на этом дело не закончилось.

Утром, выйдя на пирс, мы удивились, что все суда вышли в море и закорены на почтительном расстоянии. Местные старожилы объяснили нам, что это всегда делается, когда получено предупреждение о баргузине — одном из основных байкальских ветров. Дальнейшая информация о баргузине привела нас в ужас. Дело в том, что шторм, вызванный этим ветром, может продолжаться несколько дней и даже недель. Это звучало, как приговор, помня о том, что вечером у нас вылет.

Радость наша не знала границ, когда на горизонте появился наш небольшой кораблик. Окончательно мы успокоились, только доплыв до Иркутска.

Такие яркие моменты скрашивали научные будни, придавая нашей работе особую романтичность, перекрывающую все трудности и лишения командировочной жизни.

В конце 80-х гг. задачи, поставленные перед 45-м ЦНИИ, потребовали создания отдела боевого применения противоракетной обороны, который возглавил Виталий Иванович Скворцов и в который я был переведен. В нем проходили службу сотрудники, внесшие большой вклад в развитие новых подходов к боевому применению ПРО: Заяц М.И., Пятницкий Г.И., Чернега П.П., Барышев А.Г., Баранов И.К., Хисамеев И.И. и другие.

**С летчиком–космонавтом СССР, Героем Советского Союза
Г.В. Сарфановым на XII съезде Общества «Знание»
России 22. 12. 2004**

Закончил службу в отделе, руководимом Виктором Алексеевичем Капьяриным. Здесь пришлось пройти суровую школу испытаний системы А-135 от заводских до Государственных в качестве руководителя рабочих групп по проверке ее функционирования в штатных видах и режимах работ «Боевого дежурства», когда мной,

по словам некоторых крупных руководителей, должны были заинтересоваться представители такой серьезной организации, как КГБ. Но святой принцип «за державу обидно» позволял принимать взвешенные решения и отстаивать свою точку зрения.

После увольнения в запас работал руководителем центра маркетинга, финансового планирования и издательского дела Всероссийского центра уровня жизни при Министерстве труда и социального развития Российской Федерации. Ныне – первый заместитель директора одного из старейших в России издательства «Знание».